

УДК 801.73

Денисова Е.А.

Московский городской педагогический университет

**ДОМИНАНТНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ
КНИГ Б. К. ЗАЙЦЕВА «АФОН» И «ВАЛААМ»***

E. Denisova

The Moscow City Teachers' Training University

**THE DOMINANT ELEMENTS OF NARRATIVE STRUCTURE OF
THE STORIES BY B. ZAYTSEV "ATHOS" and "VALAAM"**

Аннотация. Особенностью текстов книг Б.К. Зайцева «Афон» и «Валаам» является наличие вневременного настоящего времени, к которому писатель прибегает для отражения времени вечности, потому что для автора имеют значение те события, для которых не важно грамматическое выражение времени. Писатель сумел показать, что Афон и Валаам – это места, в которых душа – то, посредством чего человек общается с Богом – наиболее к Нему приближена. Время здесь выражается контекстом. Все люди и места, о которых упоминается в произведениях, существуют и поныне.

Ключевые слова: тип повествования, вневременность, вневременное настоящее время, риторические фигуры сказа.

Abstract. The distinctive feature of the B. Zaytsev's stories "Athos" and "Valaam" is the all-time present time, which the writer uses to express the time of eternity, because he cares most about the events, that do not require grammatical expression of time. The writer was able to show that Athos and Valaam are the places where the soul (something through which people communicate with God) is the most close to him. The time is expressed by the context. All those people and places mentioned in the works still exist.

Key words: the type of narration, extratemporality, the all-time present, rhetorical figures of telling.

*Афон не мрачен, он светел,
ибо влюблен, одухотворен.
(Б.К. Зайцев)*

Паломничество на Святую Гору Афон в мае 1927 года Б.К. Зайцев считал впоследствии важнейшим событием в своей биографии. «На это путешествие Зайцева вдохновил князь Д.А. Шаховский, человек удивительной судьбы, поэт, в 1926 году принявший иночество на Афоне с именем Иоанн» [6, с. 9].

Итогом паломничества стала книга «Афон». Дочь писателя, Н.Б. Зайцева-Соллогуб, вспоминает, что Б.К. Зайцева «в эти годы <...> тянуло писать о России, о русской святости. А в 1927 году он смог поехать на Афон в знаменитый монастырь и писал оттуда письма маме. Эти замечательные письма-дневники послужили ему черновиком для книги «Афон» [3, с. 9].

Летом 1935 года Зайцевы совершили поездку на Карельский перешеек, где гостили на вилле Н.Г. Кауше (дальней родственницы В.А. Зайцевой) в Келломяки (сейчас Комарово). «С виллы Кауше в августе 1935 года Зайцевы, получив рекомендательное письмо от митрополита Евлогия к валаамскому игумену Харитону, совершают поездку на Валаам, где проводят девять дней» [6, с. 17]. Пребывание на вилле, как и поездка оттуда на Валаам, оставили глубокий след в душе писателя и послужили материалом для книги «Валаам».

* © Денисова Е.А.

При создании произведений «Афон» и «Валаам» перед Б.К. Зайцевым возникла трудность, которая стоит перед каждым литератором, пишущим о духовных ценностях. «Сам писатель, несомненно, в полной мере ощущал святость Афона, благодать, наполняющую его монастыри и келии, в его душе совершались какие-то существенные движения ...» [6, с. 9].

Б.К. Зайцев в предисловии к «Афону» писал: «В этой небольшой книжке я пытаюсь дать ощущение Афона, как я его видел, слышал, вдыхал. Повторяю, сама тема огромна. Я же ставлю себе весьма ограниченную задачу» [2, с. 76].

Некоторые ученые считают, что, путешествуя в ту, ушедшую Русь, Б.К. Зайцев вновь воскрешает жанр древних хождений, один из самых популярных в Древней Руси и редко встречающийся в XX веке. «В обеих книгах легко выделяются основные композиционные части хождений: вступление, движение к цели путешествия, описание пребывания на месте паломничества и возвращение. Кульминацией хождения любого паломника становится приобщение к Божескому, очищение и просветление души, увидевшей “свет святой”» [5, с. 104].

«Книгами паломнических странствий» назовет впоследствии «Афон» и «Валаам» Т.Ф. Прокопов [2, с. 470].

Но, в отличие от древних авторов, у которых главенствовала взволнованная, восторженная манера письма («Хожения за три моря» Афанасия Никитина, хожения Авраамия Суздальского), в книгах Б.К. Зайцева мы видим спокойный, ровный тон повествования.

Описание служб не является завершением центральной части «хожения», как это имело место в древнерусских текстах. В книгах Б.К. Зайцева кульминационными оказываются воспоминания о России и размышления, связанные с ее современным этапом развития.

Несмотря на то что Б.К. Зайцев излагает факты, которым был свидетель, это не мемуары, так как есть несобственно-прямая речь, например, о Кирика, наличие которой сви-

детельствует о принадлежности произведения исключительно к художественной литературе:

Ударили к вечерне. Я возвратился. Прошло не более сорока минут. О. Кирик, в ореоле своей бороды, маленький, тихий, сидел уже на диване и “вычитывал” вечерню по захваченному с собой служебнику. Как же, в монастыре вечерня, а он будет спать! [2, с. 145].

В «Афоне» и «Валааме» повествование ведется от первого лица, здесь мы находим риторические фигуры сказа. В них имитируется общение с собеседником: ответы на якобы его вопросы, метатекстовые сигналы привлечения внимания и проверки наличия обратной связи. Так называемые «неспециально охарактеризованные фигуры» [см.: 9], о которых идет речь в словарях тропов и риторических фигур, представляют собой не риторические фигуры, а речевые жанры, типичные именно для сказа, с помощью которых имитируется диалог рассказчика с воображаемыми слушателями [см.: 8].

В романе мы обнаружили следующие из них. (Мы пользуемся терминами, которые предлагают Н.Н. Романова, А.В. Филиппов [см.: 7].)

Гипофора – упреждающие вопросы и ответы на них: *Легенда о Галле Плацидии довольно загадочна. В те времена женщинам не было еще закрыт доступ на Афон. Она пожелала проездом из Рима в Константинополь посетить Ватопед. Но когда входила боковыми воротами в храм Благовещения, таинственный голос Богородицы остановил ее, как бы ей запретил. Императрица пала на помост и принялась молиться, но не вошла. Позже на этом месте она приказала изобразить лик Богородицы. Икона существует и теперь, в нише у входа. Но что значит рассказ? Почему запретила ей Пречистая войти? Был ли отстроен Запад в лице ее? Или остановлена именно женщина – яркой выразительницей женского Плацидия была несомненно, и тогда это как бы предвозвестие запрещения женщин на св. Горе – или, наконец, черта некой личной судьбы Галлы?*

Кто знает. Икона же в нише сохранила

название Предвозвестительницы, а монастырь Ватопедский, со своей библиотекой, учеными монахами, комфортом и изяществом, хорошим столом, григорианским календарем, элегантными рясами монахов, великолепным винным погребом, удержал оттенок некоего православного бенедиктинизма [2, с. 121];

«Сорок лет назад здесь, быть может, в этом самом заливе, был такой случай: подошел пароход “Виктория”, нанятый одной русской дамой высшего круга, – сын ее был послушником Пантелеймонова монастыря. Г-жа М. хотела повидаться с ним. Ее сопровождали две-три дамы и русский вице-консул в Дарданеллах. Монастырь принял гостей радушно. Дамы на берег не сходили, но на пароход были отправлены мощи св. Пантелеймона, был отслужен молебен на борту “Виктории”, приезжие исповедовались у о. Рафаила. Посетил их и сам игумен о. Макарий, и напутствовал. **Неясно только, видела ли г-жа М. сына? Может быть, с борта, на берегу? Или мягкий о. Макарий разрешил ему съездить на корабль?**

Не знаю. Но шестого августа ночью, едва пароход отошел, в монастыре св. Пантелеймона загорелся – и сгорел до основания – храм Покрова Пресвятой Богородицы [2, с. 143].

Адмирация – воспроизведение восхищенной, удивленной, приподнятой речи: «Подымаемся. Михаил Алексеевич с моею женой не без таинственности отводят о. Федора в сторонку, вполголоса с ним что-то рассуждают.

Высокий, с несколько сейчас смущенною улыбкой, в сером подряснике, с великорусским говорком, более он похож на пчеловода, чем на схи-игумена. **Вот где о гробах и помину нет!** [2, с. 161].

Интеррогация – фигура обращения с вопросами к аудитории: “Пустынька о. Назария” недалеко от монастыря. Почти за самой гостиницей начинается дорога, проведенная игуменом Дамаскиным. Она обсажена теперь разросшимися пихтами и лиственницами. Идет сперва чрез небольшое поле, а затем вступает в лес – прямая, ровная, поражаю-

щая гладкостью своей, хоть бы для автомобилей Франции. **Но где найдете во Франции такое “растворение воздуха”, благоухоение, как в лесах Валаама?** [2, с. 173].

Антипротасис – приступ к опровержению, выражаемый в форме вопроса: «Хорошо или плохо спал император в царских покоях перед пустынным суровым пейзажем Валаама, рядом с храмом апостолов Петра и Павла, мы не знаем. Но уже в два часа ночи он был у дверей собора – пономарь едва успел отворить их. Очевидно, так рано его не ждали, и встал он сам, его не будили, иначе все было бы уже приготовлено, пономарю незачем было бы спешить. **Три-четыре часа отдыха после дальней дороги не так уж много... И не говорит ли это скорее за то, что и сам отдых не так уж был безмятежен?**

Александр отстоял утреню в соборе, раннюю обедню в церкви Петра и Павла, потом осматривал монастырь и пешком отправился по пустынькам в лесах [2, с. 180].

Писатель сумел показать, что Афон и Валаам – это такие места, в которых душа – то, посредством чего человек общается с Богом – наиболее к Нему приближена. Время здесь выражается контекстом. Все те люди и места, о которых упоминается в произведениях, существуют и поныне.

«Св. Афанасий жил позже св. Петра – в десятом веке. Афон в то время уже был пристанищем одних пустынников. Стали являться и монастыри. Их создателем, вечно в кипении, борьбе, деятельности и оказался св. Афанасий – как бы Петр Великий Афона.

Он был гигант, исполинской силы. Знаменитую Лавру, и ныне вздымающуюся соборами, стенами и башнями, строил собственноручно. Средства давал ему Никифор Фока, вначале – полководец, затем – император. Позднее – Иоанн Цимисхий. Святой возводил храмы, стены и башни. Когда он велел рыть землю для фундамента церкви в честь Пресвятой Девы, дьявол, “бессильный доброненавистник, демонскими своими действиями ослабил руки строителей так, что они не могли коснуться даже уст своих”. Св. Афанасий помолился, взял сам лопату, начал рыть

и «к большой досаде демона» разрешил руки рабочих. Всегда с лопатой, топором, а то и просто с исполинской своею силой! Не раз случалось, что с одной стороны груз волокли трое, а с другой становился Афанасий и трое едва успевали за ним. Или: везут тяжесть на паре волов. Один из них падает, захромав. Святой велит отпречь его и сам впрягается.

Вот видим мы его на постройке лаврской пристани («арсаны»). Эта пристань и сейчас существует, я сам отплывал от нее под парусом, сидел в тени средневековой башни, дожидаясь лодочника-албанца [2, с. 126-127].

Таким образом Б.К. Зайцев выражает время вечности. Учеными уже изучалось такое явление, как вневременность. Сущность вневременности заключается в том, что изрекаются некие «вечные истины», смысл которых сохраняется при функционировании разных временных форм. Этот факт дает основание некоторым исследователям говорить о «нейтрализации» форм времени, наклонения, лица [см.: 4], то есть возможна «взаимозаменяемость» тех или иных грамматических форм с сохранением общего смысла высказывания.

Но А.В. Бондарко считает, что каждая грамматическая форма в любом случае сохраняет свою специфику при выражении того или иного значения. Неизменной может быть только смысловая сторона высказывания, способ же представления языкового значения зависит от той или иной грамматической формы [см.: 1]. Значение вневременности, по его мнению, ближе к настоящему времени, которое включает в себя элементы и прошлого, и будущего. Но форма будущего времени при выражении значения вневременности сохраняет свое грамматическое значение.

В «Афоне» и «Валааме» перед нами время вечности – вневременное настоящее время: *Если бы я был архимандритом, то, сойдя в каюту, вынуд служебник, стал бы “вычитывать” утреню. Но я не монах. Я простой паломник, как здесь говорят, “поклонник”, со Святой Горы возвращающийся в бурный мир, сам этого мира часть. В своем грешном сер-*

дце уношу частицу света афонского, несу ее благоговейно, и что бы ни случилось со мной в жизни, мне не забыть этого странствия и поклонения, как, верю, не погаснуть в ветрах мира самой искре» [2, с. 146];

«Святой остров»... – да, уж тут, кроме тишины, красоты, легкого гула сосен, да теней героических, ничего не найдешь.

Сейчас здесь живет при церкви всего один монах, и на островке еще семья карелов, занимающихся скромным хозяйством. Но вот, чуть ли не ежедневно привозит и увозит мотор сюда паломников из монастыря, и все что-то уносят: каплю света? Благословения? Не знаю, как сказать. Но для меня очевидно: как же были наполнены и значительны жизни уединенные, протекавшие здесь, раз и сейчас они волнуют [2, с. 192-193].

В «Афоне» можно видеть в системе повествовательного монолога наряду с «внешним» диалогом элементы диалога «внутреннего».

Мы остались одни с о. Марком, нехитрым, черноволосым монашком. Он подошел ко мне.

– Здравствуйте, господин.

– Здравствуйте.

– Христос Воскресе.

– Воистину Воскресе.

О. Марк несколько смущен.

– А я уж и не знаю, как с вами, с образованными, здороваться. Простите, коли не так. Может, у вас в миру и не говорят “Христос Воскресе”.

Смиранный о. Марк, вы правы, не говорят. Но не вам – нам надо смущаться, как смущает нас многое в пестрой и пустынной жизни нашей – чего не видать вам в тишине и свете вашей библиотеки. Да, не говорят “Христос Воскресе”. И тем хуже [2, с. 140].

Он не только без авторского ввода, но и не выделен графически ни с помощью кавычек, ни с помощью тире.

В «Афоне» Б.К. Зайцев вводит в повествование краткие жития святых: старца св. Петра Афонского, «святого-деятеля» Афанасия, певца Иоанна, которого дети прозвали Кукузелем.

В «Валааме» писатель акцентирует внима-

ние на тех моментах облика и жизни монахов, которые имеют каноническое значение и являются подтверждением святости:

Самую келию, крошечную, укрытую теперь деревянным шатром-избою от непогоды и разрушения, посетили мы в смешанном чувстве тишины, почтительного благоговения и поэзии. Здесь сидел Александр... – жил тут простейший, скромнейший, Николай, молитвенник и труженик, возделыватель огорода рядом, источник благоволения ко всему. Какой был он? Наверное, такой же старичок, каких я видал здесь, да и на Афоне: та же приветливая и смиренная Святая Русь.

Где жил, там невелики и похоронен. Могила тоже небогата, тоже осенена разросшимися елями. Под деревянным навесом на столбиках, окруженным решеткою, простой деревянный гроб, крест с Распятием. Колода изъедена временем. И весь безмолвный этот угол в вечеряющем лесу, глубоком его молчании, так же неказисто-прекрасен, как был, наверно, сам неречистый трудник “здесь почитающий” [2, с. 174].

Мы видим, что «Зайцев не обличает и не поучает. Неизменно кроткий, смиренный и благодушный, он приглашает собеседника – и читателя – войти в русский храм» [6, с. 21].

Итак, особенностью книг «Афон» и «Валаам» является наличие вневременного настоящего времени, к которому Б.К. Зайцев прибегает для выражения времени вечности, потому что для автора имеют значение те со-

бытия, для которых не важно грамматическое выражение времени.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бондарко А.В. Временная локализованность // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Таксис. – Л.: Наука, 1987. – 348 с.
2. Зайцев Б.К. Собр. соч.: В 11т.: Т. 7. Святая Русь: Избранная духовная проза. Книги странствий. Повести и рассказы. Дневник писателя. – М.: Русская книга, 2000. – 524 с.
3. Зайцева-Соллогуб Н.Б. Я вспоминаю... // Б.К. Зайцев Собр. соч.: В 11т.: Т. 4. Путешествие Глеба: Автобиографическая тетралогия. – М.: Русская книга, 1999. – 616 с.
4. Кошмидер Э. Очерки науки о видах польского глагола. Опыт синтеза // Вопросы глагольного вида. – М.: Иностр. лит., 1962. – С. 105-167.
5. Литература русского зарубежья («первая волна» эмиграции: 1920–1940 годы): Учебное пособие: В 2 ч. Ч. 1 / А.И. Смирнова, А.В. Млечко, В.В. Компанеев и др.; Под общ. ред. д-ра филол. наук, проф. А.И. Смирновой. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. – 244 с.
6. Любомудров А. Святая Русь Бориса Зайцева // Б.К. Зайцев Собр. соч.: В 11т.: Т. 7. Святая Русь: Избранная духовная проза. Книги странствий. Повести и рассказы. Дневник писателя. – М.: Русская книга, 2000. – 524 с.
7. Романова Н.Н., Филиппов А.В. Стилистика и стили: учеб. пособие; словарь. – М.: Флинта: МПСИ, 2006. – 405 с.
8. Труфанова И.В. Риторические фигуры и типы повествования // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс. – М.: МГУ, 2007. – 414 с.
9. Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика. – Ростов-н/Д.: Феникс, 1999. – 320 с.